

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА
ПАРНЫХ СЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
В. РАСПУТИНА

Imre Pacsai

При сравнительном и сопоставительном исследовании парных слов, обнаружилась их типичность для великорусской народной речи, что подтвердилось как в плане лексикологии, так и при трактовке стилистики великорусской народной речи.

Изучение парных слов в русском языке может обогатить наши знания об этой специфической категории, являющейся малоразработанной в области славистики из-за её неславянских свойств. Объективный анализ изученной категории способствует исследованию ареальных и стилистических вопросов, связанных с ней, а также касается и отрасли прикладной лингвистики.

Сравнительное изучение парных слов потребовало подхода индуктивного характера за недостатком трудов, трактующих данную категорию, поэтому было необходимо собрать материал, соответствующий требованиям научного исследования.

Великорусский фольклор, для которого преимущественно характерно применение парных слов, оказался неисчерпаемым источником при исследовании.

При анализе текстов по стилистическому аспекту фольклорных произведений наблюдались общие признаки языка фольклора и русской народной (разговорной) речи, что подтверждается трудами Е.А. Земской (1973), И.Б. Голуба (1976) и Д.Э. Розенталя (1974).

Изученные нами парные слова употребляются не только в русских народных песнях и сказках, но и выступают в роли стилистического средства народной речи и в литературных произведениях совместно с другими признаками „сниженного стиля”.

Повесть В. Распутина *Прощание с Матёрой* верно изображает жизнь-бытьё русской деревни в сибирской глуши, в ней звучит речь простолюдинов маленькой деревни, сохранившей избы, традиции и говор отцов-дедов, жителей острова Матёра.

Сергей Залыгин, знаменитый писатель, коренной сибиряк, с восхищением отзывается о реализме Распутина, которого считает одарённым продолжателем традиций русского повествовательного жанра – повести.

Залыгин, говоря о языке В. Распутина, называет его исконно народным и русским. Автору удаётся создать *colour local* деревни на Ангаре, без которого невозможно представить себе героев повести и который образует органическое единство с сюжетом.

В языке повести есть все признаки русской народной речи, установленные Д.Э. Розенталем:

1. *Фонетика* (произношение):

А *ишо* этот (...) телехон займей... (1983: 17)¹, поговорело; и опеть на боковую (*там же*), Это я *щас* запустила (1983: 38), Она *щас* куды-то убежала (1983: 81), Дак оно, конечно бы, лутче некуды (1983: 144), Про твою грамоту *ништо* не *говарю* (1983: 90), Пустите *севодни* к себе” (1983: 108), *Назадь* поедешь нет? У тебя *должон* быть (1983: 59), Матька не *седни-завтри*. Ты *отсель* так не уйдёшь (1983: 21), Это *откуль* такая божья коровка (1983: 75), Прости, *осподи!* (1983: 19).

2. *Морфология*:

а) нестандартные глагольные формы:

Не *хочете* уходить, *хочете* гореть (1983: 41), И *хоронют* оне нас, плачут (1983: 70), *Седни* думаю: а ить оне с меня *спросют* (1983: 29), А ежели воду *пустют* (1983: 39), А без нас оне скорей *старются* (1983: 70), Поверх земли не *бросют* (1983: 117);

б) постпозиционные артикли:

Ты *приплылы-то* (1983: 144), Когда *назад-то* ждать (1983: 100), Как *быть-то* мне (1983: 120), *Поди-ка* жили (1983: 95), *Егор-то!* (1983: 139), Кем *поехала-то?* (1983: 141), Да *сюды-то* поехала? (*там же*), *Твою-то* из твоева огорода (1983: 143), Ты *самовар-то* увезла? (*там же*), *Свою-то* нельзя (1983: 39);

в) энклитические формы личных местоимений:

Я *те* щас закурю. [*тебе*, I.P.] я *те* щас головешкой в рожу закурю (1983: 59), А ну утешайся *отсель*, *покупь* я за *тя* не

1 *Здесь и ниже курсив мой*, I.P. Цит. по: Распутин 1980, 1983.

взялась. [*тебя*, И.П.] Чё натворили?! [*что*, I.P.] (1983: 21), Я *тя* зажигателя, шас поверу (1983: 59);

г) отсутствие начального „н” в косвенных падежах у личных местоимений:

С *им* грешно, а без *его* тоскливо (1983: 19), *Над ей* звёздочка покрашенная была (1983: 31), Хошь испечался *об ём* (1983: 69);

д) нестандартные формы сравнительной степени:

Он тебе камень *поболе* привязал на шею. А ишо *чудней*, как у нехристей (1983: 17), Нет, пора помирать, *дале* ходу нету (1983: 117), А *хужей* того – зиится стала (*там же*), Я *раньше* навроде не злая была (*там же*);

е) окончание на „у” в родительном падеже у существительных мужского рода:

Без чаю-то худо (1983: 30), На будет тебе никакого *самовару* (*там же*), её без *догляду* потеряли (*там же*), Сын с *городу* железную тумбочку привёз (1983: 31), А откуль-то брал по кусочку *сахару* (*там же*), Никакого *скусу* (1983: 18), У какого человека *духу* хватит (1983: 21), Хошь топись от *позору* (1983: 23);

ж) другие нестандартные формы:

Радиу разведёт, *радиа* у нас там своя, и слушат, слушат (1983: 17), Помнишь у нас *ребяты* были (1983: 51), Всё *какую-то* сладовсть в ей роте (1983: 87), Золотые руки у *твоево* Петрухи (1983: 68), Всех нас, девка, пересаживают, не *однуге* тебя (1983: 17), Вам не тут жалеть, *об чём* плакать (1983: 87).

3. *Лексика*:

Дак а мы без *картофки-то* как будем? (1983: 52), Всю *жисть* ты так (1983: 66), Недолго *суседки*. *Надоть* трогаться (1983: 53), *Пуццай* тепло останется (1983: 49), Ой какой *страм* (1983: 112), *Кажин* день буду смотреть (1983: 54), Косить то *нонче* будете, нет (1983: 39), На что *жалобились* (1983: 73), Он же не *немтырь* а молчит (1983: 15), Ты *супротив* меня совсем молоденькая. Евон чё *творят* (1983: 39), *Попеда* не сидит (1983: 87).

4. *Деривация* :

а) словообразование (экспрессивные суффиксы);

б) словосложение – парные слова.

В состав стилистических признаков входят и парные слова, которым присущи исконный русский характер и которые считаются в трудах В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко (1990) типичными как для фольклора, так и для народной речи.

При дефиниции парных слов (сочинительных сложений) А.Л. Семенов (1985) пользуется терминами, известными в грамматиках уральских и алтайских языков, подчёркивая независимость и разноправие компонентов конструкции.

В повести В. Распутина наблюдаются все типы и подтипы изученной категории:

1. *Повторы:*

а) тождественные полные:

долго-долго (1983: 133), вот-вот (1983: 3), пытко-пытко (1983: 142), долгие-долгие (1983: 86);

б) тождественные неполные:

мать-перемать (1983: 50), мало-помалу (1983: 86), мало-мальску (1983: 121), шель-шевель (1983: 49), запил-пиликал (1983: 75), давным-давно (1983: 58).

2. *Сложения, состоящие из компонентов с самостоятельным значением:*

а) синонимического типа:

худо-бедно (1983: 13), в целостности-сохранности (1983: 35), любо-дорого (1983: 31), не всякого-каждого, в ночь-полночь, житьё-бытьё (1983: 41), небывалое-неживалое;

б) суммарного типа:

два-три, девица-молодица, голодом-холодом, кормилась-поилась, извини-подвинься, туда-сюда, взад-вперёд, туда-обратно, отцову-дедову, отца-матери, через пень-колоду, о руках-ногах, сегодня-завтра, седины-завтри, родом-племенем, цветочках-лепесточках, море-океане, три-четыре.

Стилистическая и семантическая функция парных слов

Основная функция парных слов – семантическая, т.е. обозначение новых понятий сложением частных значений компонентов. При помощи парных слов выражается повторяемость или длительность действия, усиление, мера, обобщение, суммирование.

А.А. Потебня (1899), Г.Х. Ахатов (1981), А.Л. Семенов (1985) подчёркивают их древний характер и способность выполнения различных семантико-синтаксических функций.

Специфическая функция парного слова сочетается с сжатостью, с лаконическим выражением сложного понятия, либо сложной ситуации, изображаемой в речевом плане, что лежит в основе трудности их перевода.

Словами Залыгина, оправдывающего применение стилистических приёмов, используемых в повести В. Распутина, объясняется степень трудности перевода. „Само собою разумеется, что не будь у Распутина своего языка, не было бы и его, нынешнего писателя. Да, язык у него свой, неповторимый, а в то же время – глубоко национальный, русский”.

Вышепредставленные стилистические средства, применяемые в языке повести, создавшие *colour local* русской деревни, крестьянской речи, создаёт немало трудностей при переводе.

Ева Харшани старается избегать нарушения литературных норм, поэтому меньше пользуется при переводе средствами „просторечия”. Она не подражает творческим приёмам Жигмонда Морица, который не раз нарушает правила орфографии и орфоэпии, лишь бы изобразить венгерский крестьянский говор.

Переводчик избегает профанизации. На Ангаре не может звучать ни говор Сегеда, ни северных краёв Венгрии. Применений так называемых „народных мотивов” сравнительно мало.

Я замуж-то выходила, ты *кто* была – оглянись-ка! Ты *ишо* без рубашонки бегала (1983: 14).

Настроение текста, нагруженного стилистическими средствами „сниженного стиля”, передаётся одним словом, акцентирующим венгерский крестьянский говор.

Én már férjhez mentem, te meg, gondolj csak vissza, pendelyben szaladgáltál (1980: 9).

Слово “pendely” придаёт речи *colour local* деревни.

Ишь, усталился, *немтырь*, как гвоздь (1983: 15).

Nézzétek csak, hogy ráammeredt ez a *kuka* majd átszúr a szeme

При эквиваленции лексики в стилистическом плане устанавливается равновесие стиля в цитируемом предложении. Синонимы слов „немой” “néma”, относящихся к сниженному стилю „немтырь” “kuka”, содействуют эффективности перевода.

Стилистические свойства, относящиеся к отрасли фонетики и морфологии, передаются в лексическом плане сдержанно и с успехом.

И весь кровью изошёл. Целый таз *кровушки* (1983: 16). Csak úgy omlott a vére. Egész tál *csurig* tele lett vérrel (1980: 12).

А Егор в это время *ковылял* по другой стороне улицы... (1983:

16). Jegor meg eközben ott *baktatott* az utca túoldalán ... (1980: 13).

Будешь на своей городской *фукалке* в кострольке греть (1983:

18). Lábasban teszed föl a teát a városi *parhelten* (1980: 17).

– Чё-то Богодул седни не идёт. – Уж, поди-ка, на подходе где (1983: 19). – *Hogyhogy* Bogodul nem jön ma? – Bizonyára *bóklászik* valamerre (1980: 17).

Немало затруднений возникает при переводе парных слов, сжато обозначающих понятия и ситуации в повести. Несмотря на трудности перевода, парные слова содействуют эффективному переводу, сохранению стилистических свойств произведения. В чём заключается это на первый взгляд непримиримое противоречие?

При трактовке стилистических признаков сниженного стиля, применяемого в повести, нам стала ясна насыщенность текста этими конструкциями, типичными для народной речи.

Парные слова выступают в качестве канала уравнивания экспрессивности речи. При переводе наблюдается стремление к сохранению формы сложения, что в большинстве случаев не представляет особых трудностей для переводчика. В составе парных слов русского языка имеется сравнительно большое количество параллельных с венгерским языком конструкций: жил-был (él-van [D. Fokos]), грусть-тоска (búbánat), пить-есть (eszik-iszik), трудно-тяжело (kínnal-keservvel), крест-накрест (keresztül-kasul, össze-vissza), полным-полно (telis-teli), давным-давно (régés-régen), так-сяк (így-úgy), там-сям (itt-ott), такой-сякой (ilyen-olyan), руки-ноги (keze-lába).

Эквиваленция конструкций (парных слов)

Слабые и тонкие, дальние в *пятом-шестом* колене, сучки отвалились и упали (1983: 129). A gyenge, vékony, ötödik-hatodik nemzedéki ágak letördeltek, lehulltak.

Что велась в Матёре *долгие-долгие* годы (1983: 85). Amely hosszú-hosszú éve folyt Matyorán (1980: 125).

Будьто это было *давным-давно* (1983: 58). Mindez mintha már réges-régen így lett volna (1980: 81).

Взадь-вперёд! Взад-вперёд! (...) Прямо непроворот (1983:95). *Ide-oda. Előre-hátra!* Mocsanni sem lehet (1980: 142).

Избу нашу, тятка, не *седни-завтри* тоже (...) тоже гуды (1983: 125). A házunkat, édesapám, *maholnap* szintén (...) szintén oda ... (1980: 193).

В случае перевода следующего предложения наблюдается более совершенная форма сжатости, выраженной венгерским сложением, где префиксы выступают в роли компонентов конструкции:

Андрей без терпения, пока бабушка собирала на стол, шил *туда-обратно* из избы во двор и со двора в избу (1983: 76).

Andrej türelmetlenül járkált *ki s be*, amíg a nagyanyja ebédhez terített (1980: 110).

Здесь переводчик мог бы использовать сложение вместо словосочетания *ki-be*, не нарушая правила венгерского правописания. Применением сложения, состоящего из приставок, в венгерском языке полностью обозначается конкретное направление движения. Это подтверждается более короткой формой венгерского предложения. Венгерская конструкция более лаконично передаёт смысл т.е. направление и характер действия. В этом сложении в роли компонентов выступают префиксы *ki+be*. Русская конструкция *туда-обратно* шил (шёл) не сообщает конкретного направления движения, а даёт лишь абстрактную информацию.

Стремление переводчика к сохранению и применению данных конструкций подтверждается и созданием индивидуальных словоформ, что не является нарушением закономерностей венгерского языка. Принцип аналогии допускает индивидуальное словотворчество, о чём свидетельствуют труды Й. Келемена (1939), Д. Паиша (1951), Д. Семере (1977).

- *Извини-подвинься*, – возмутился Петруха (1983: 75).
- *Elnézést-felnézést* – haragudott meg Petruha (1980: 109).

Применение близкого по смыслу эквивалента и структуры сложения при переводе:

Вот так *худо-бедно* жила деревня (1983: 13). *Így élt hát a falu jól-rosszul.*

Сейчас эти сны бледно вспыхивали за окнами, как *дальние-предальные* зарницы (1983: 46). *Most halványan fel-felvillantak az álmok az ablakok mögött a messzi-messzi távolban* (1980: 62).

Использование парных слов в венгерском переводе без параллельного сложения служит повышению экспрессивности перевода:

Только обдерёшься и надсадишься без пути (1983: 78). *Összetöröd-zúzod magad oktanul* (1980: 112).

... под ноги себе никогда глануть ... будто кто гонится (1983: 83). *A lábuk alá nézni sincs idejük ... mintha űznék-hajtanák őket* (1980: 68).

Ты сри говори, да не заговаривайся (1983: 71). *Beszéj és ne csűrd-csavard* (1980: 101).

Ни соринки, ни хмуринки в огромном ярком-сухом небе, солнце звонкое, жаркое (1983: 49). *Makulátlanul, derűlten tündöklött-ragyogott a hatalmas, felhőtlen és* (1980: 66).

Обогащением текста-перевода парными словами без русского эквивалента выражается стремление к равновесию количества данных конструкций, ведь имеются в тексте повести русские сложения без венгерского эквивалента: „любо-дорого” (1983: 31), „житьё-бытьё”, „всякий-каждый” (1983: 41), „небывалое-неживалое” (1983: 56), „шиворот-навыворот” (1983: 40), „шить-крыть” (1983: 86), „целости-сохранности” (1983: 35), „родом-племенем” (1983: 127).

Анализируя один из признаков русской народной речи, мы столкнулись со сложными вопросами художественного перевода, ареальной и сопоставительной лингвистики. Стилистические вопросы повести В. Распутина трудно решать без глубокого анализа социолингвистики, без изучения признаков русской народной речи, служащих ориентиром при передаче семантических и стилистических оттенков текста литературного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахатов, Г.Х.
1981 *Об основных принципах парных слов, „СРУ”*,
1981: II: 81-86.
- Голуб, И.Б.
1976 *Стилистика современного русского языка*, М.
1976.
- Земская, Е.А.
1973 *Русская разговорная речь*, М. 1973.
- Потебня, А.А.
1899 *Из записок по русской грамматике*, М. 1899: I-III.
- Распутин, В.
1980 *Isten veled, Matyora*, ford.: É. Harsányi, Európa
Könyvkiadó, Budapest 1980.
1983 *Прощание с Матёрой*, в: *Повести*, Беларусь,
Минск 1983.
- Розенталь, Д.Э.
1974 *Практическая стилистика русского языка*, М.
1974.
- Семенас, А.Л.
1985 *Некоторые особенности семантики сложения в
изолирующих языках*, М. 1985.
- Фелицына, В.А., Мокиенко, В.М.
1990 *Русские фразеологизмы*, М. 1990.
- Kelemen, J.
1939 *Szemponatok az ikerszók vizsgálatához*, M.-Ny.
XXXV (1939): 236-247.
- Pais, D.
1951 *Kérdések és szempontok a szóösszetételek
vizsgálatához*, 1951.

Szemere, G.
1977

Az ikerszó alakulása a szakirodalmakban, M.-Ny.
LXXIV (1977): 27-37.

ABSTRACT

Die nebengeordneten (copulative) Komposita, die ein typischer Stilzug der russischen Volkssprache sind, bekommen eine wichtige Rolle im Kurzroman von V. Rasputin. Die Ausdrucksweise dieses Werks schätzt Sergej Zalygin (1976) sehr hoch, da sie sich lebendig und wirklich volkhaft, national zeigt.

Im Kurzroman von V. Rasputin *Прощание с Матёрой* (1983) können alle von D.E. Rosental festgestellten Stilzüge aufgefunden werden, die russische Volkssprache charakterisieren. Im Laufe der Übersetzung des obengeschriebenen Werks hat eine bedeutende Rolle die Beachtung der volkssprachlichen Stilzügen zum Wiedergeben der grundlegenden Eigentümlichkeiten. Das Übersetzen ins Ungarische hat der Übersetzer einigermaßen schwer, da das Werk den Dialekt eines eigenartigen russischen Sprachgebiets, die Sprache des sibirischen Bauerntums formt. Die Anwendung von Copulativen Komposita, die sich als eine typische Eigenart auch in der ungarischen Sprache erweist, leistet eine Hilfe zur Gestaltung von *colour locale* des russischen Werks. Der Übersetzer bemüht sich während der Übersetzung die ungarischen Entsprechungen von russischen Komposita zu verwenden. Er will die Anzahl der aus der ungarischen Sprache fehlenden Strukturen aufbewahren. Aus diesem Zweck erreicht er so die passende Wirkung, daß die aus dem Russisch fehlenden Strukturen – nach dem Kontext – an anderen Stellen adaptieren.

Durch die Anwendung von Strukturen, die der stilistischen Funktion dienen, kann der Autor die Gefahr der Profanation vermeiden. Mit der Hilfe von einigennicht dialektischen Elementen und den Copulativen Komposita schuf er die ländliche Atmosphäre, ohne daß die russischen Figuren nach dem Dialekt in Süd-Ungarn, in Transdanubien oder in Nord-Ungarn sprechen.

Diese Funktion von Copulativen Komposita konnte sich dadurch durchgesetzt werden, daß sie in beiden Sprachen zu der volkssprachlichen Stilschicht gehören und so ermöglichen sie die Gestaltung dasselber Stimmung.